

Марина Белкина

С улыбкой
о любви

Марина Николаевна Белкина

ПЯТИЗВЁЗДОЧНЫЙ ЖЕНИХ

Серия «С улыбкой о любви»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206457

Марина Белкина. Пятизвёздочный жених: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73533-4

Аннотация

Подруг не выбирают. Даже таких, как Лизка... Женихов не проверяют. Даже если это Лизкин жених. Эти простые правила Маша Литаврина выучила наизусть. Но чего не сделаешь во имя женской дружбы?! Впрочем, надо отдать должное Лизавете – на этот раз подруга сменила ориентиры и вместо пухлого «кошелька на ножках» выбрала настоящего красавца. Такого не грех и проверить. Главное, чтобы Маша не капитулировала перед прекрасным принцем сама. А то женская дружба такие вещи не прощает!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Марина Белкина

Пятизвёздочный жених

Глава 1

Лехе кажется, что, когда я жму на тормоз, машина на полном ходу влетает в бетонную стену. Да, у моего инструктора по вождению своеобразное чувство юмора. Смотрите и учитесь, сейчас я покажу вам высший пилотаж! Медленно отпускаю сцепление и нежно-нежно трогаю педаль тормоза. Вуаля!

И учебная «десятка» плавно остановилась у бордюра! Леха едва не влетел в лобовое стекло, но ухватился за ручку дверцы.

– Молодец, Маш. Сегодня ты просто превзошла саму себя! – едко произнес он.

Инспектор ГИБДД, принимающий экзамен по вождению, кашлянул у меня за спиной и протянул документы. А это могло означать только одно...

– Не сдала? – выдохнула я, взглядом приглашая Леху оценить творящийся здесь беспредел.

– А как ты хотела? – Леха невозмутимо принялся загибать пальцы: – Забыла пристегнуться, полмаршрута проехала на ручнике, заглохла под знаком и чуть не сбила пешехода!

– Да он выскочил, как черт из табакерки!

– Тот дедуля с бидоном?! Да ты прикалываешься! – Ле-ха покровительственно похлопал меня по коленке. – Вот ты брюнетка, а машину водишь, как типичная блондинка! Ты случайно не крашенная?

Если верить известному радиоафоризму о том, что шутка, повторенная дважды, в два раза смешнее, я сейчас должна просто помереть от хохота, потому что слышу эту «остроту» раз в сто пятый.

– Почему же крашенная? Это мой натуральный цвет, – натужно улыбнулась я, открывая дверцу машины.

На тротуаре в ожидании своей очереди на экзекуцию топтались курсанты. Дама маленького роста прижимала к груди диванную подушку. Девица в мини-юбке, опасно покачиваясь на высоченных шпильках, старательно красила губы. Нервно курили трое парнишек в идиотских рэперских штанах, тех, что болтаются где-то в районе коленок.

– Ну, как? – подскочил ко мне один из рэперов.

Вместо ответа, словно белым флагом, я помахала ведомостью. Парнишка участливо поцокал языком:

– Типа не сдала? И в который раз?

– Во второй, – ответила я честно, как путана клиенту.

– Ну, ничего, в следующий – уж обязательно!

С сомнением кивнув, я поплелась к метро, но не успела сделать и пары шагов, как позади послышался оклик инструктора:

– Эй! Рассеянная с улицы Бассейной! – Он высунулся из открытого окна «десятки». – Ничего не забыла?

Вот голова садовая! Оставила в машине сумочку. Впрочем, сумочкой этот парашют можно назвать весьма условно. Изрядно потрепанный, с мультяшной аппликацией и остатками разноцветного бисера на замызганных ручках – сей аксессуар давно не имел ничего общего с модными тенденциями и здравым смыслом. А я все не могла расстаться с нелепой торбочкой. Она навевала оранжевое настроение.

Пришлось вернуться.

– Тяжелая! Там кирпичи? – Леха сделал вид, что собирается расстегнуть молнию.

Я рывком выхватила сумку из его хищных лап и любовно прижала к груди.

– Нервная какая! Золото партии у тебя там, что ли?!

Кошелек с тремя сотнями, допотопный мобильник, косметичка – терять нервные клетки абсолютно не из-за чего. А так напряглась я просто потому, что не люблю, когда трогают мои вещи.

На город ватным одеялом опускалась жара. Автомобили томились в пробке, как кусочки рагу в попыхивающей кастрюльке. Пестрый поток людей устремился к источнику живой прохлады – входу в метро.

Я сдула челку со лба. Ну и пекло! Хотя, пожалуй, еще нет и двенадцати? Намереваясь узнать время, посмотрела на

дисплей мобильного. Ух, ты! Семь пропущенных, и все от Лизки. Щелкнув кнопкой, я набрала ее номер.

– Твой маскировочный куст еще жив? – строго спросила Лизка.

Не то чтобы я была такой уж безудержной охотницей за всякой дичью. Плащ в виде маскировочного куста достался в качестве рекламного дара журналу, в котором я когда-то работала. Эта престранная штуковина долго пылилась на одной из редакционных полок, потом поучаствовала в праздновании Хеллоуина, да так и осела в недрах моего балкона.

– Зачем тебе маскировка? Неудачно подстриглась? – съязвила я. – Не переживай, волосы не зубы – отрастут!

– Нет, это бред... Есть идея получше, – задумчиво проговорила Лизка и добавила решительно и даже как-то кровожадно: – Что ты делаешь сегодня вечером? Хочу пригласить тебя в одно место!

– В качестве маскировочного куста? – испугалась я.

– В качестве моей лучшей подруги! В шесть, в той итальянской кафешке на проспекте, помнишь? У них там панакота сумасшедшая!

И, не дожидаясь моего ответа, Лизка отключилась.

Ненавижу, когда она так делает. Интересно, почему Лизке даже в голову не приходит, что я могу отказаться? Не пойду! Да и с какой радости мне тащиться на другой конец города? Настроение хуже некуда. Хотя «сумасшедшая» панакота – это аргумент...

Иногда Лизка меня просто бесила!

Она называла мутью мой любимый фильм «Черная кошка, белый кот» Кустурицы, изображая рвотные позывы.

Путала Джейн Остин с Джейн Эйр.

Ежемесячно оставляла в салоне красоты сумму, равную годовому бюджету небольшого африканского государства. Причем тратила эти деньги на какие-нибудь обертывания цветками папоротника, собранными тайскими девственницами на растущую луну.

Но особенно раздражала ее ехидная улыбочка в ответ на все мои слезные просьбы уничтожить негативы фотографий с той школьной вечеринки! Бр-р! Лизка знала слишком много... Впрочем, и я владела ее тайнами. А может, именно в этом и заключался главный секрет нашей двадцатилетней дружбы? Человек, который знает о тебе все, обладает особой притягательностью. С ним легко быть самим собой.

Тем летним вечером в кафе я решила открыть Лизке еще одну страшную тайну. Об экзамене по вождению. Что ни говори, а у моей подруги было одно неоспоримое достоинство – она, как никто, умела поддержать в трудную минуту.

– Мария, ты олигофрен? Не в состоянии сдать вождение с тринадцатого раза? – поддержала подруга. – Мартышка с гранатой, вот ты кто!

– Просто тринадцать – несчастливое число! – принялась оправдываться я. – К тому же принципиально не хочу давать

на лапу, а они меня валят! Еще и инструктор попался психопат! Представляешь, стоит только тронуться с места, отнимает руль и орет, как контуженный: «Газ! Тормоз!» За колленку все норовит схватить, озабоченный! А еще ржет: «Водишь, как блондинка. Ты что, крашенная?»

– Маш, а ты ведь и правда крашенная! – приснула Лизка.

Я вздохнула:

– Иногда мне кажется, что проще тебя убить, чем попросить молчать...

Да, еще одна «страшная» правда. Я натуральная блондинка. Ну, не признаваться же в этом инструктору по вождению? Все анекдоты про блондинок мне припомнит! А «замаскировалась» я недавно, несколько месяцев назад.

После окончания журфака я нашла место службы, леденящее душу своей бесперспективностью. В журнале об охоте «Добыть бизона». Вкалывала там два года. Думала: набью руку, обрету бесценный опыт. Но статьи и интервью мне не доверяли, так что целыми днями приходилось разносить кофе и сидеть в «Одноклассниках». В общем, самое ценное, что удалось вынести из «Бизона», был маскировочный куст.

Мучениям пришел конец, когда подруга похлопотала за меня перед своим очередным ухажером, шеф-редактором одного не самого центрального телеканала. И вот, с Лизкиной легкой руки, карьера пошла в гору – уже четыре месяца я трудилась журналистом программы «Женские штучки» и обожала новую работу. Интервью с интересными людьми,

темы сюжетов, не имеющие ничего общего с бизонами, – вот оно, счастье! Иногда я даже появлялась на экране. Как раз по этому поводу стилист программы и выкрасил мои светлые волосы в коньячный цвет. В рамках телевизионного имиджа.

Намотала на палец блестящий локон и улыбнулась. Подруга перехватила мой взгляд.

– Не жалеешь, что из-за новой работы пришлось перекраситься?

– Нет, конечно! Так и сгнула бы в этой могиле неизвестного журналиста, если б не ты! Лиз, я так тебе благодарна!

– Да ну, брось, – засопела она. – С другой стороны, все мечтают попасть на телевидение, а я помогла тебе в этом. Как знать, может, и ты мне когда-нибудь поможешь...

Лизка не бестактна, скорее простодушна, словно ребенок. А дети, как известно, еще и весьма ловкие манипуляторы.

– Хочешь попросить меня о какой-то ответной услуге? – догадалась я.

– Ну, не то чтобы об услуге... Так, о пустячке, – начала юлить она. – Кстати, у кого бедра шире, у меня или у той официантки?

Даже не взглянув в сторону дамы с подносом, я выдала единственно верный ответ:

– У официантки!

Дама, оказавшаяся слишком близко, презрительно фыркнула.

– Очень вкусный десерт, – заискивающе улыбнулась я ей.

Когда-нибудь я прибуду Лизку! На самом деле, она ангельски хороша! Напоминает Монику Белуччи. Причем в ее лучшие годы. Блестящие темные волосы ниже плеч, карие глаза, кукольное личико, ноги от ушей. Раньше Лизка была моделью, даже немного поработала в Милане. Правда, очень быстро вернулась, заявив, что больше не намерена вкалывать, как папа Карло. Но дело не в этом. Даже карьера glamorous вешалки и личный фан-клуб, численность которого чуть больше, чем у Роберта Паттинсона, не убедили Лизавету в собственной неотразимости. Загадка!

– Так о чем ты хотела попросить? – напомнила я. – Зачем понадобился маскировочный куст? Выкладывай!

– Я влюбилась!

– Ну, тогда все понятно! И кто счастливчик?

– Парень с сумасшедшей харизмой!

Я скептически вскинула брови. Знаю я Лизкиных «харизматичных» парней! Все – как на подбор – маленькие, толстенькие, раздувающиеся от собственной важности.

– Очередной пузырь? – не смогла удержаться.

– Нет, на этот раз и вправду внешне интересный. Девушки вокруг Алекса так и вьются! Когда мы вместе, он ведет себя достойно, но что он делает без меня? Представляешь, на выходных собирается за город к друзьям, а с собой не зовет! Почему? – Горестно вздохнув, Лизка отхлебнула из своей чашки. – Сначала я хотела проследить за ним при помощи маскировочного куста, а потом придумала кое-что по-

лучше...

– Еще лучше?!

Подруга хищно посмотрела на мой бюст.

– Давай устроим Алексу тест-драйв!

– Какой еще тест-драйв?

– Проверим, на что он способен! По вечерам Алекс любит зависать в кафешке рядом со своим офисом. Ты явишься туда и попытаешься его соблазнить. Вот и посмотрим, поведется он или нет!

– Хочешь доверить тест-драйв своего парня мартышке с гранатой? А вдруг я возьму и соблазню его всерьез? – поддразнила я.

– Нет, ты проверенный боец и на такую подлость не способна. А потом – у нас разные вкусы, он тебе не понравится. Смотри!

Она достала из сумочки фотографию и положила передо мной. Я решительно отодвинула карточку.

– Нет, Лизка, это бред! Вечно ты ищешь приключения на свою пятую точку!

– Да где ж это видано, собственному мужику подругу подкладывать! – возмутилась из-за моей спины официантка.

Видимо, во время нашего разговора повелительница подносов отиралась где-то рядом, и словосочетание «пятая точка» подействовало на нее, как красная тряпка на быка.

– Отобьет она его, как пить дать, отобьет! – презрительно бросила официантка, разворачиваясь на каблуках.

В возмущении я схватила ее за передник.

– Подождите! Почему вы так считаете? Нет, вы скажите!

После непродолжительной борьбы официантка воспользовалась запрещенным приемом (подносом), вывернулась из моих цепких объятий и позорно спряталась на кухне.

– Лизка, давай сюда фотку! – с вызовом потребовала я. – Говори, в каком кафе он будет?

– Будьте любезны, госпожа Мата Хари, снимок объекта. Надеюсь, эта миссия окажется выполнима?

Глава 2

Туфли. Красные с золотыми завитушками, на пятнадцатисантиметровых шпильках.

Плюс красное дизайнерское мини-платье. Правда, мини оно на Лизке, а на мне, прямо скажем, миди, безудержно стремящееся к макси. Сразу видно, что с чужого плеча. И с чужого бюста – грудь так и лезет из корсета, как дрожжевое тесто из кастрюли.

Ну, и еще по мелочи – чулки, черные в сеточку.

Итого – две мои зарплаты. Нехило. Лизка настоятельно советовала надеть еще и бриллиантовый гарнитур ее маман, но я наотрез отказалась! Ведь тогда эта авантюра вообще тянула бы на полбетакама¹. Подержанного, разумеется, но все-таки...

Словом, когда я переступила порог кафе, в голове, как в калькуляторе, крутились одни цифры. Объект удалось вычислить сразу. Он сидел за столиком у окна с чашкой кофе и газетой. Должна признать, новый Лизкин пузырь и вправду выглядел не совсем типично. На вид лет тридцать. Темно-русые волосы, клетчатая рубашка с коротким рукавом, подчеркивающая широкие плечи, и никакого пивного животика.

Я решила, что Юстасу пора познакомиться с Алексом, и

¹ Бетакам – здесь: профессиональная телевизионная камера.

пошла на сближение – приземлилась на стул рядом с ним.

– Простите! Вы позволите воспользоваться вашим телефоном? Мобильник из сумки вытащили!

Объект оторвался от газеты и окинул меня оценивающим взглядом. И тут, по всемирному закону бутерброда, кто-то позвонил мне прямо в сумку! Я с изумлением уставилась на визжащую торбу, старательно делая вид, что мы с ней не знакомы. Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу.

– Это, кажется, вас, – хмыкнул объект.

Пришлось ответить.

– Ну как? – возбужденно заорала мне в ухо Лизка-дурын-да. – Уже кадришь его?

Я быстро нажала на кнопку отбоя и вырубилась мобильник.

– Один знакомый культурист, – пояснила я. – Сходит по мне с ума.

– А вам не показалось, что у него женский голос?

– Он... злоупотребляет анаболиками!

Объект усмехнулся и уставился в стол, кажется, потеряв ко мне интерес.

Поерзала на месте. Что ж, Лизку можно только поздравить. Этот крайне сознательный красавец предпочитает флирту пристрастное изучение мебели в городских кафе. А может, просто я не в его вкусе...

– Красивые туфли. Они расписаны под хохлому? – промолвил сознательный красавец, продолжая смотреть в стол.

Я вдруг сообразила, что стол стеклянный, и вот уже

несколько минут коварный объект изучал мои ноги. Ладно, будем считать, что я ничего не заметила.

– Ну, спасибо вам... за все и до свидания!

– Пойдите! Может, посидим еще? – предложил объект, глядя куда-то мимо меня.

Я проследила за его взглядом. За дальним столиком в углу из-за развернутой газеты высунулась и снова скрылась печальная лысая голова.

«Он гей! Хочет заставить своего любовника ревновать!» – пронеслось у меня в голове.

– Я не гей, и это не мой любовник, – сказал объект. – Посидим еще минут пятнадцать, выйдем вместе, так надо. А потом я доведу вас до дома, идет? Кстати, меня зовут Александр, для друзей – просто Алекс, а вас? – И он улыбнулся, на щеках появились ямочки, которые казались слишком нежными для его мужественного лица.

Предчувствие чего-то неизбежного промелькнуло, как ночная птица.

– Так как вас зовут? – повторил он.

– Аполлинария! – выпалила я.

А что такого? Между прочим, в жизни каждого человека может случиться минута, когда он забудет собственное имя! Это все игры подсознания. Так считаем мы с Фрейдом. Но почему подсознание подсуло именно это имя? Старик Фрейд наверняка намекнул бы на какие-нибудь комплексы, а возможно, даже на потаенную мечту стать музой гения, и

ошибся бы! Все намного проще. Аполлинарией зовут мою непосредственную начальницу, которая постоянно выносит мне мозг.

Тут в кафе ввалилась большая шумная компания, и несколько официантов бросились сдвигать для них столики в центре зала.

– Пойдем, – сказал Алекс, решивший воспользоваться суматохой, чтобы скрыться из поля зрения лысого.

Он поспешно бросил на стол купюру и подал мне руку.

Постоянно мысленно возвращаюсь в тот момент. И почему я не сказала: «Останусь здесь, люблю по вечерам торчать в кафе одна!»? Почему? Нет! Я побежала за ним, как оголодавшая крыса за куском сыра!

Смешавшись с шумной компанией, мы выскользнули из кафе и бросились в сторону автостоянки. Алекс распахнул дверцу черной «Ауди», и я плюхнулась на кожаное сиденье. В животе булькали пузырьки веселого азарта, как в детстве во время игры в «казаки-разбойники». Нам все-таки удалось благополучно ускользнуть от лысого типа!

Взвизгнув, машина рванула с места.

– Моя сумка! Я забыла ее в кафе! – закричала я. – Там ползарплаты, мобильник, но это все ерунда. Там мои исходники!

– Какие еще исходники? – Опешив, Алекс дал по тормозам.

– Самые обычные. Кассеты с отснятым материалом, интервью и картинка, а у меня завтра монтаж. Мы должны вернуться!

– Ты режиссер?

– Тележурналист! – раскололась я.

– Ладно, жди меня здесь, – бросил он через плечо, выскакивая из машины. – Маша-растеряша!

Прошло несколько минут, и вдруг со стороны моей дверцы послышался страшный удар, как будто в «Ауди» влетел лось! Я выглянула в окно и вскрикнула. Лысый тип из кафе, который оказался огромным бугаем, колошматил Алекса головой о машину! Сердце бешено застучало, я вцепилась в ручку дверцы. Что же делать?!

Он и сам справился – отшвырнул бугая. Стукнувшись об один из припаркованных автомобилей, лысый шлепнулся на асфальт. Алекс бросился к «Ауди» и распахнул дверцу. С моей стороны. Видимо, еще не совсем отошел после драки.

Я вдруг почувствовала себя героиней кино с погонями и в порыве вдохновения перемахнула на водительское место. Похоже, я была убедительна, потому что Алекс, запрыгивая на пассажирское кресло, бросил мне ключи. Я поймала их грациозным жестом и завела мотор. На этом грациозность кончилась.

– Чего ты ждешь? Поехали! Он садится в свою машину! – прикрикнул на меня Алекс.

Я давила педаль в пол. Автомобиль прыгнул с места, как

раненый бык на корриде, и иноходью поскакал на выход. В этот момент на стоянку заруливал внушительных размеров джип. Я поняла, что не успеваю затормозить! Но не зря же я вот уже год брала уроки в автошколе и тринадцать раз сдавала экзамен – кое-какой опыт экстремального вождения имелся! Я бросила руль, закрыла глаза руками и пронзительно завизжала.

Нет, все-таки я гений заездов в объезд! Или объездов в заезд? Не важно! Во всяком случае мне удалось виртуозно избежать ДТП с джипом! Ладно, не мне, а Алексу. Руль был в его руках, и мы мчались по проспекту. Благо не слишком загруженный.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Внушительный джип перекрыл выезд со стоянки машине лысого. Водитель стоял на дороге и что-то кричал нам вслед.

Тут Алекс свернул с проспекта, и мы запетляли по дворам. – Сбрось скорость! Что ты вцепилась в руль, ты мне мешаешь! Тормоз! Газ! Да что с тобой? Ты что, крашенная? – заорал он, хватая меня за коленку.

Возникло смутное ощущение дежавю, и я скосила глаза. Показалось, что рядом сидит мой психопат-инструктор.

Тем временем нервный пассажир совсем разуверился во мне как в Шумахере и решил взять все в свои руки. В правую – руль, а в левую – мою ногу, которой он пытался жать на педали. Небритая щека почти касалась моей. Я метнула взгляд на его губы, четко очерченные, чувственные. Интересно, ка-

кие они на ощупь, подумала я и...

– Жми на тормоз!!!

И я нажала. Но не на тормоз, а на газ. Перепутала. И мы влетели в мусорные баки...

Несколько секунд мы сидели в молчаливом оцепенении. Потом Алекс выскочил из машины и принялся бегать вокруг «Ауди», вдохновенно размахивая руками и что-то бубня со страшным лицом оперного певца, который пытается взять верхнее «си». Через стекло не было слышно, что именно он говорил. Но шестым чувством я поняла – что-то трехэтажное. На всякий случай, заблокировала дверцы авто. Люди с неадекватным поведением всегда вызывали у меня опасения.

Когда Алекс немного успокоился и закурил, я решилась показаться ему на глаза.

– Прости! – вздохнула я, выбираясь из авто. – Насколько все плохо?

Тот факт, что я разбила его машину, нас как-то сблизил, и мы перешли на «ты».

– Поправимо. Только фара, – усмехнулся Алекс, выбрасывая бычок.

В густеющих сумерках он прочертил между нами огненную дорожку.

– Очень злишься?

– Нет, ты же меня спасала.

– Я... что-то могу для тебя сделать? – преданно спросила я и моментально прикусила язык! Сейчас он скажет: «Можешь кое-что. С тебя десять тысяч баксов!»

– Можешь кое-что, – ответил Алекс и, притянув меня к себе, поцеловал.

Его губы оказались мягкими и нежными.

Не знаю почему. Наверное, из-за пережитого стресса, я отреагировала на поцелуй странно. Чуть не задушила Алекса, обхватив руками и, кажется, даже ногами, а через пару секунд отпрыгнула от него метра на два, как горная коза.

Алекс тяжело дышал и выглядел абсолютно ошарашенным. Не знаю, какое лицо было в этот момент у меня, но Алекс, пристально глядя мне в глаза, почему-то вскинул руки ладонями вперед. Так делает полицейский в американском боевике, показывая, что он безоружен, психу, захватившему заложника.

– Ну, все, мне пора, – скороговоркой протараторила я, озираясь, в какую сторону лучше дать деру.

– Я тебя подвезу!

Он сгреб меня в охапку и фамильярно запихнул к себе в машину.

«Это Лизкин парень! Это Лизкин парень», – мысленно твердила я, как мантру, пока мы ехали к метро. Я старалась не смотреть на него, с пристрастием изучая свой маникюр, и подняла глаза, только когда машина затормозила. В каком-то

дворе.

– Это не метро! – возмутилась я.

– Знаю, у меня здесь дело, решил заехать по дороге. Пойдем, хочу тебе кое-что показать.

– Не сомневаюсь. Но, пожалуй, подожду тебя здесь.

Решила, что сбегу, как только он уйдет. Алекс, видимо, это понял и никак не желал оставить меня в машине одну. Хотя, учитывая обстоятельства нашего знакомства, может, он боялся оставить наедине со мной свою тачку?

После долгих и нудных разбирательств я все-таки уступила.

– Пойду, но прежде объясни, чего хотел тот лысый тип. Мы от него еле удрали!

Алекс смутился.

– Связываться не хотелось, он бывший клиент моего детективного агентства.

– И чего он взъелся? Или все бывшие клиенты хотят тебя убить?

– Это не интересно. Не забивай себе голову...

– Я остаюсь в машине!

Алекс окинул меня пристальным мрачным взглядом.

– Он нанял нас, чтобы проследить за женой. Подозревал ее в супружеской измене.

– И что же случилось потом?

– Там оказалось все чисто. Она не гуляла, влюблена в мужа, как кошка. Даже сделала татуировку с его именем в паху,

представляешь? Я предложил снять слежку, но этот Отелло вбил в свою лысую башку, что жена изменяет ему со мной. Бред! А сегодня, я так понимаю, решил сам за мной проследить. Думал, что, если он увидит меня с девушкой, это его как-то... успокоит, но парня опять сорвало с катушек. Просто псих. Так бывает.

Я знала, бывает.

– А как тебе стало известно о татуировке в паху его жены?

– Я профессионал, – ответил Алекс, пряча улыбку. – Пойдем. И сумку свою не забудь, Маша-растеряша! Прости, как-то язык не поворачивается называть тебя Аполлинарией.

Он взял меня под руку и подвел к нарядному подъезду, похожему на вход в бутик. Мы спустились вниз по крутой лестнице и, миновав еще одну дверь, оказались в крошечной тьме. Щелкнул выключатель. Комнату осветил свет зеленого абажура, и я шумно вздохнула. Мы очутились в доме бабушки-интеллигентки в смешной шляпке, которая кутается в японскую шаль, повсюду носит томик Мандельштама.

Отсвет абажура падал на круглый стол со старинной пишущей машинкой и пожелтевшей газетой. На рассохшемся деревянном комодe сидели фарфоровые куклы в поблекших кружевных платьях. Со швейной машинки с элегантными коваными ножками скалился чугунный утюг, зажав в хищных зубах букетик полевых цветов. Красавец граммофон наострил золоченое ухо, а на ширме у стены, уронив пухлые

рукава-фонарики, висело расшитое бисером бархатное платье. Наверняка винтажное! Несмотря на жаркий вечер, в полуподвальной комнате было прохладно. Пахло сыростью и безвозвратно утекшим временем.

– Это ретро-салон моей двоюродной сестры.

– А где она достает все эти вещи?

– Скупает у коллекционеров, ездит по блошиным рынкам. Она у нас хранитель тайн. Утверждает, что каждая винтажная вещь – это тайна.

День-день-день! Послышался серебристый перезвон, и из глубины ретро-салона вальяжно выплыл черный котиче. Его массивную шею украшала цепочка с маленьким колокольчиком.

– Цепной кот? – рассмеялась я.

– Это Матвей, он здесь главный хозяин.

Матвей посмотрел на Алекса круглыми янтарными глазами и требовательно мяукнул. Тот присел и принялся чесать кота за ухом. Матвей снисходительно замурлыкал и плюхнулся на бок. Ни белого «галстучка», ни «носочков», абсолютно черный котиче! Хотела поплевать через плечо, но как-то постеснялась.

Я подошла к искусственной елке, украшенной старинными игрушками: картонными ангелами, медведями с баянами на железных прищепках, зайцами в костюмах Пьеро и выцветшими сосульками. Еще там была дивная собака с фарфоровой головкой и стеклянный дирижабль. Все это каза-

лось таким странным и волшебным, как во сне – новогодняя елка посреди жаркого июля. В комнате, доверху набитой тайнами.

Поддавшись очарованию момента, я сняла с ветки прозрачный шар с бабочкой внутри. Бабочка закрутилась, как веретено. Я замороженно улыбалась и вдруг перехватила взгляд Алекса. Он наблюдал за мной, скрестив руки на груди и опираясь о книжный шкаф. Волосы в живописном беспорядке, пристальный взгляд карих глаз, потертые джинсы. Соблазнительный и таинственный, как киногерой. Бабник! Наверняка привозит сюда всех своих девиц: Лизку, татуированную жену лысого и еще вагон и маленькую тележку! Все они кружат вокруг него, словно бабочки вокруг огня... Я вдруг разозлилась.

– Хочешь чего-нибудь? Вермут? Мартини «Асти»? Решила поставить Алекса на место.

– Никакого мартини «Асти»! – строго сказала я. – Только вермут!

Он передал мне стакан в медном подстаканнике и завел граммофон. Комната наполнилась звуками старинного романса. Алекс подошел и церемонно поклонился, приглашая на танец.

– Спасибо, но я что-то сегодня без кринолина и бальную карту дома забыла...

Он посмеялся и даже по-дружески похлопал меня по плечу, но было ясно, что на уме у этого плута. Другой рукой

Алекс вцепился в мое запястье, видимо, чтобы я опять не взбрыкнула.

Вдруг комната закружилась под звуки старинного романса, как веретено. В ушах зазвенело. Динь-динь-динь! А может, это был всего лишь колокольчик Матвея?

– Даже не мечтай, – тихо сказала я.

– Почему?

В полумраке его глаза показались совсем черными.

– Я похожа на женщину, которая спит с первым встречным? – надменно спросила я.

Куда девался второй чулок? Спокойно! Испариться из этой комнаты он никак не мог! И зачем я их только надела! Кто вообще носит чулки летом?! Выползая из-под круглого стола, я стукнулась головой. Взвизгнула и тут же зажала рот рукой, покосившись на спящего на полу Алекса. Пыльный луч света, прокраившийся в окошко под потолком, щекотал его щеку. На губах – блаженная улыбка, ресницы отбрасывают тень в пол-лица. В моей жизни был только один более красивый мужчина, рядом с которым я просыпалась. Джордж Клуни. Одно время над кроватью висел его постер. Я вздохнула, закатив глаза. И... нашла чулок! Он зацепился за шнур абажура. И как только сюда попал? Ох, лучше даже и не вспоминать!

Подхватив сумку, я бросилась к выходу, но замерла – что-то заставило меня обернуться. На комод в окружении фар-

форовых кукол развалился черный котиче. Он буравил меня янтарным взглядом и вдруг подмигнул одним глазом! Наверное, сказался недосып, но я вздрогнула всем телом, по спине побежали мурашки. Снова возникло желание поплевать через левое плечо, но я не стала. Зачем? Все самое ужасное уже произошло...

Я неслась по улице так, словно убегала от своры маньяков. Свежий утренний воздух окончательно выветрил из головы хмель шальной ночи. Что я натворила? Как я могла?! Пигалица, выпрыгнувшая из красного «Мини Купера», смерила меня презрительным взглядом. Это потому, что она знает! Знает, что я сделала прошлой ночью! Провела ее с парнем лучшей подруги, почти сестры! Разве может быть что-то кошмарнее? Нет! Это вовсе не пигалица, а жеманный паренек в розовых джинсах. Впрочем, какая разница?

Я верю в закон бумеранга. Возмездие или... как там это еще называется? Если ты делаешь кому-то подлость, она прокатится от человека к человеку по Вселенной, как снежный ком, обрастая всякой пакостью, и – р-раз! Накроет твою жизнь настоящим стихийным бедствием!

Я бежала к метро, вжав голову в плечи. Предчувствовала, Возмездие не заставит себя долго ждать – с крыши непременно упадет кирпич и размозжит черепушку, как грецкий орех. Или меня собьет машина. Или разорвет на куски терактом в метро. В душном переполненном вагоне сердитая толстуха обдала запахом прогорклых духов и отдавила ногу.

Пока это было единственным покушением на мою жизнь со стороны Высших сил.

На подходе к дому голова уже шла кругом от черных мыслей. У самого подъезда я столкнулась с соседкой.

– Машутка! Что у тебя с лицом?!

– А что такое?

С тревогой дотронулась до щеки. Может, лицо покрылось мокнущей экземой?

– Вся сияешь! Ты что, влюбилась?

Глава 3

«Лизка! Я последняя сволочь! Но дело в том, что это проверочное свидание как-то сразу вышло из-под контроля. Сначала на нас напал маньяк, потом я разбила машину, а потом был этот долбаный ретро-салон. О, именно он всему виной! Там такая тлетворная обстановочка... Я будто попала в параллельную реальность, в другое время! Все было, как во сне, а значит, не на самом деле! И я – это вроде бы и не я, а он – не твой парень, понимаешь?» Нет, она не поймет...

Я репетировала покаянную речь, стоя под душем. Подставляла тело гибким водным струям и отчаянно терлась мочалкой. Надо поскорее смыть с себя его запах, навязчиво преследовавший все утро. Изведя практически целый тюбик геля, провела контрольное смывание хозяйственным мылом. Вроде полегчало... Жаль, нельзя прочистить мозги ершиком для унитаза!

Замотавшись в полотенце, я потянулась к телефонной трубке. Надо признаться во всем Лизке! Просто взять трубку, набрать номер и... Телефон пронзительно заверещал в моей руке.

– Где ты была?! – взывала трубка голосом Лизки.

Сжала кулаки на удачу.

– Лисенок, я сейчас тебе все объясню...

– Как ты меня назвала? – с ужасом прошептала она. – По-

следний раз ты говорила: «Лисенок, я сейчас все объясню», когда уморила голодом моего хомячка, пока я отдыхала на Сардинии!

– Не говори ерунды! Эта крыса страдала десятой степенью ожирения. Ее невозможно было уморить, она просто... сдохла от старости.

– Мария, не заговаривай мне зубы. Что случилось?

– Лизка, я последняя сволочь...

– Так и знала! – перебила она. – И зачем я только тебя попросила? Сразу ведь знала, что все кончится именно так!

Я стояла босиком на кафельном полу и вдруг покрылась мурашками.

– Лиз, понимаешь...

– Ты порвала платье!

– Нет, с платьем порядок. Я его не порвала, так... слегка помяла. Ты понимаешь...

– Сломала каблук?

– Да нет же!

– А тогда что?

Я набрала в легкие побольше воздуха и выпалила на одном дыхании:

– Лизка! Я последняя сволочь! После кафе я поехала на работу, надо было писать текст под монтаж. Я так увлеклась, что забыла позвонить, а мой сотовый разрядился!

– Вполне в твоём духе. Зачем вообще нужен мобильник, если он никогда не работает? Ну, рассказывай. Как все про-

шло? Он повелся?

– Нет, сидел там, как истукан, и смотрел в стол.

На том конце провода послышался вздох облегчения.

– Ты себе не представляешь, как я рада! И как он тебе вообще? Понравился?

– Ну, да... в целом вполне... Он такой... м-м-м... гибкий!

– Что?!

– Ну, в смысле дипломатичный! Умеет деликатно дать понять девушке, чтобы она отвязалась.

– Надо же, – хмыкнула она. – Ну, хорошо... Все подробности при встрече, а сейчас у меня дел по горло. Пилинг, вакуумный массаж, потом обертывание... Ах да! Машка! Мата Хари ты моя ненаглядная, спасибо! Ты настоящая подруга.

– Да уж, – крикнула я.

Нажала на кнопку отбоя и посмотрела в зеркало. Припухшие, зацелованные губы. Глаза в обрамлении темных кругов горят, как фары в ночи. Хороша подруга, нечего сказать!

Я с детства верила – тайное всегда становится явным, и уже предвидела гражданина, облитого манной кашей, на своем пороге, но в ту секунду ощутила облегчение, как воришка, который стянул пухлый кошелек и остался непойманным. Да, у меня не хватило духу во всем признаться Лизке. Но, может, это даже к лучшему? С Алексом мы больше не увидимся, и она спокойно продолжит крутить с ним любовь. Мрачно усмехнулась. Что ни говори, а я выполнила свою миссию в лучших традициях Маты Хари. Достоверно выяснила, что

Лизкин парень – редкий бабник. Жаль, не смогла раскрыть ей глаза. Но, думаю, Лизавета и без моей помощи скоро выяснит, что он за фрукт, и сама его бросит. Поплачет недельку и забудет, уж я ее знаю! Я благополучно договорилась со своей совестью и отправилась пить кофе.

Так впервые в жизни у меня появился секрет от Лизки...

Кофе был горьким. Надо не забыть по дороге с работы купить сахар. Поморщившись, я включила мобильник. Ух, ты! Двадцать четыре пропущенных вызова от Лизки и четыре от абонента Рыба-прилипала. Вот зараза!

Абонент Рыба-прилипала – это мой парень Макс. Да, у меня есть парень. А что такого? Я испытываю к нему самые теплые чувства вот уже пять лет и никогда не изменяю. Ну, не считая вчерашнего. Да это и не измена была, а... умопомрачение! И точка. Кстати, я вовсе не считаю Макса рыбкой-прилипалой. Забила его в «Контакты» своего мобильного под этим прозвищем в самом начале нашего знакомства. Там была такая история... Впрочем, я обещала Максиму никому о ней не рассказывать. Ну вот. Потом я хотела переименовать его на Макса Докукина, но все как-то руки не доходили. Сейчас этим и займусь. Хотя... сначала надо набрать ему, вдруг что-то случилось?

– Я звонил тебе весь вечер! Где ты была? – принялся возмущаться Макс.

Я пересказала легенду об офисной ночевке.

– Ты скоро пропишешься у себя на работе, а ведь вчера у нас были планы сходить уже, наконец, в кино.

Вот за что я люблю Макса! Он создает в моей сумбурной жизни хотя бы иллюзию порядка. Например, вчера, оказывается, у меня был в планах культурный досуг, а вместо этого... От воспоминания о прошлой ночи внутри что-то сладко оборвалось. Так, надо просто выкинуть этого парня из головы. Забыть!

– Макс, давай увидимся сегодня! Пожалуйста! – взмолилась я.

– Так соскучилась? – хмыкнул он. – Ладно, выбирай место.

В суши-баре за столиком у окна меня дождался молодой человек в льняном бежевом костюме, великолепно подчеркивающим его оливковую кожу. Выразительные серые глаза, мягкие черты лица, очень короткие темные волосы. Они вьются, Макс не терпит неряшливости и так стрижется, чтобы волосы не торчали в разные стороны. Пожалуй, его можно было бы назвать красавцем, если бы не слишком тонкие губы и немного скошенный безвольный подбородок.

– Прости, я опоздала, – выдохнула я, опускаясь на стул и открывая меню.

– Отлично выглядишь, – присвистнул Макс. – Глаза блестят, и эти розовые кеды...

К нашему столику подошла официантка в черном шелко-

вом кимоно с какой-то двусмысленной подушкой на спине, и мы сделали заказ.

– Почему ты выбрала этот ресторан? – спросил Макс, когда официантка отошла.

– Наша Викуля здесь снимала, вот и посоветовала. А что? Здесь мило, только название какое-то странное – «Колесо сансары». Сансара – это ведь, кажется, такое японское дерево? При чем здесь колесо?

– Японское дерево – это сакура, – рассмеялся Макс. – А «колесо сансары» – цепь перерождений в индийских религиях. И еще, кажется, символ солнца...

Я горделиво улыбнулась. Какой же Макс умный! Подающий надежды юрист в солидной фирме. И как ему идет этот элегантный костюм! Это вам не потертые джинсы, которые выглядят так, как будто их сняли с покойника.

Тем временем Макс все распространялся по поводу колеса сансары. Минут через пятнадцать, когда он закончил, я мечтательно вздохнула:

– Хорошо все-таки быть индусом! Знать, что вернешься в этот мир еще не один десяток раз и снова увидишь солнце...

– Во-первых, не индусом, а индуистом. А во-вторых, тут все зависит от кармы. Если в этой жизни сделаешь какую-нибудь подлость, предашь там или обманешь, в следующей – есть риск переродиться, например в крысу. Тогда солнца не увидишь.

С трудом проглотила противный липкий комок, застряв-

ший в горле.

Официантка принесла наш заказ.

– Между прочим, Мария, тебе как будущей матери следует знать, что суши не полезны для здоровья, – заявил Макс. – Это только в Японии их делают из свежей рыбы, а у нас – из размороженной. А в соевом соусе вообще содержится такое вещество, типа наркотика...

Я вежливо кивала, яростно разрывая бумажную упаковку с палочками. После института Максу предлагали поступить в аспирантуру, а он отказался. И зря. Из него получился бы отличный препод! Вредный и занудный. Когда Макс читает мне очередную нотацию, он больше всего напоминает престарелого дядюшку, поучающего неразумную племянницу.

Наконец, мне удалось вклиниться в возникшую паузу:

– Все это ужасно. Больше никогда не пойдем в суши-бар, но сейчас, раз уж мы все равно здесь... Может, спокойно поедим?

Я обмакнула ролл в соевый соус.

– А ведь я еще не рассказал тебе одну страшилку про личинки в роллах...

Кусок встал поперек горла, и я закашлялась.

– А... как там твоя работа? Петров с Некрасовым?

– Нормально. Что с ними будет? Кстати! Петров однажды нашел в сушах волос!

– Макс, давай сменим тему! – рявкнула я.

– Ну, ладно, – удивленно пожал плечами он. – Итак, те-

перь ты занимаешься этой порнографией не только днем, но и ночью?

Я вдруг постигла весь глубинный смысл идиомы «глаза вылезли из орбит». А потом вспомнила, что «порнографией» Макс обычно называет мою работу. Преданный раб корпорации, он считает любого человека творческой профессии так или иначе связанным с порнографией.

– Но ведь ты тоже иногда торчишь на работе ночами, – возразила я.

– Да! Но в моем случае речь идет о контрактах на серьезные сделки, а в твоем – о всякой ерунде! Новой помаде или интервью с безголосой звездушкой.

Я рассеянно ковыряла палочкой ролл. Есть расхотелось.

– Маш, ты что, обиделась? Брось, на правду не обижаются. Слушай, у меня идея! Устроим сегодня романтик? Свечи, шампанское, камерный кинопросмотр, а завтра утром я испеку мои фирменные блинчики?

М-м-м, обожаю блинчики Макса! Хотя блинчики – это не то слово, скорее уж огромные бесформенные медузы, но вкусные до умопомрачения! Ради них можно даже простить этому брюзге его пренебрежительные высказывания.

– Ну, что скажешь? Соглашайся! – Макс погладил мои пальцы.

– Нет! – вскрикнула я, отдергивая руку. – У меня еще куча дел сегодня. Ну, там... сварить борщ, прокипятить белье...

– Ты кипятишь белье?! Куда ты? Подожди, ты же ничего

не съела! И мы еще не заказали десерт!

– Я на диете! – Схватив сумку, я устремилась к выходу.

– Серьезно? Не знал. Я тебя подвезу!

– Пробки! На метро быстрее!

Я выскочила на улицу, как ошпаренная.

И чего я заметалась, как старая дева перед стриптизером?

Не знаю... просто сегодня Макс как-то особенно напоминал мне престарелого родственника, а инцест совершенно не входил в мои планы.

Глава 4

Иду по дивному весеннему саду, утопающему в облаке розовых цветов. Я знаю, это сакура. Впереди вижу Лизку в свадебном платье, легком и воздушном, как бисквитное пирожное. Она стоит ко мне спиной, любуясь одним из чудных деревьев.

– Лизка! – подбегаю я к ней.

Подруга медленно оборачивается, и... кровь стынет у меня в жилах! Вместо Лизкиного нежного лица я вижу одутловатую, покрытую пигментными пятнами физиономию моей самой ненавистной школьной училки Анны Петровны! И на ней вовсе не свадебное платье, а черное шелковое кимоно с двусмысленной подушкой на спине!

– Так вот кто у нас крысятничает! – рявкает Анна почему-то мужским голосом. – Литаврина, твоих рук дело? Завтра в школу с родителями!

Ее последнюю фразу почти не слышно из-за внезапно налетевшего ветра. Сад шумит, начинает кружиться. Деревья несутся в дьявольской карусели. Все быстрее, быстрее!

«Колесо сансары», – шипит сакура.

Учительское лицо раздувается, растет, надвигается! Надо бежать! Но я не могу пошевелиться! Сбросить с себя это безобразное лицо! Сбросить! Нет!!!

Я рывком села в постели. Сердце выскакивало из груди.

Однако какое мерзкое слово «крысятничает», как будто голой пяткой раздавили сырое яйцо... Уф, приснится же такое! Думаю, все дело в сырой рыбе. Макс прав, туда определенно подсыпают какой-то наркотик. Потому и подсаживаешься на японскую еду после первого же похода в суши-бар. Анна в черном кимоно, ну и бред! Да еще и басит мужским голосом! Каким-то таким... до боли знакомым. Чей это голос? Чей? Нет, не могу вспомнить... А вдруг это был вещий сон? И он означает, что за соблазнение парня подруги в следующей жизни я перевоплощусь в крысу? Меня передернуло. Нет, все-таки хорошо, что я не индус и не верю в перерождения. Поэтому после смерти просто попаду в котел с кипящим маслом, как морковка.

Часы на прикроватной тумбочке показывали десять вечера. Вернувшись из суши-бара, я сразу завалилась спать и, оказывается, пробыла в царстве Морфея всего-то час. Я выбралась из постели и побрела на кухню.

На столе стояла вазочка для конфет, в которой ненавязчиво расположился капроновый чулок (потому что я на диете), а еще целая батарея чашек, чашечек, кружек без ручек и шербатов бокалов с остатками чая. Как будто в моей кухне прописался сумасшедший шляпник и компания. Символично, что часы на стене показывают пять часов. Они остановились пару месяцев назад, все никак руки не дойдут поменять батарейку.

Я щелкнула пультом от телевизора. Вот так удача – тот

самый детектив! Как-то уже начинала его смотреть, но пришлось прерваться на самом интересном месте. Наконец узнаю, кто убийца. Сейчас как раз будет развязка.

Я быстро заварила чай. Сахара нет, надо поставить крестик на руке, чтобы хоть завтра не забыть купить. Сделала вкуснейший бутерброд из крекера со слабосоленой семгой, устроилась у телевизора и уже почти вонзила зубы в бутерброд, как вдруг заверещал мой сотовый. Р-р-р! И, главное, даже не надо смотреть на дисплей! Потому что в такой момент может позвонить только один человек...

Наверняка и у вас есть подобный знакомый. Это он:

– ломится в запертую дверь во время судьбоносного разговора;

– отвечает категорическим согласием, когда вы, случайно столкнувшись с ним в ресторане, из вежливости предлагаете присоединиться к романтическому ужину с возлюбленным;

– названивает, когда вы в душе.

Человек-Который-Всегда-Появляется-Не вовремя.

В моей жизни роль эдакой кости в горле блестяще исполняет непосредственная начальница. Редактор Аполлинария.

– Спишь? – с надеждой в голосе поинтересовалась она. – Между прочим, у тебя послезавтра съемка!

– У меня послезавтра монтаж, – несмело возразила я.

Сложно говорить наверняка, ведь производство нашей телепрограммы проходит под девизом «хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Так, однажды Аполлина-

рия с администратором Ильей отловили меня в дверях. Не обращая внимания на вопли протеста, они вытащили меня из куртки и джинсов (я собиралась на съемки сюжета о дачном отдыхе), засунули в неизвестно откуда взявшееся платье «а-ля Наташа Ростова», которое жутко воняло бабушкой, и уже через час я брала интервью у дебютанток Венского бала. Под нафталиновым платьем в пол были кроссовки, как у «Сбежавшей невесты».

– Смонтируем без тебя, поедешь снимать новый сюжет. Так что давай, мой шею под декольте и с утра пораньше дуй в редакцию, я тебе все расскажу.

Раньше наш телеканал квартировал в телецентре «Останкино», который журналисты прозвали «Стаканом». Как любой нормальный человек, страдающий «топографическим кретинизмом», я не могла вспоминать Стакан без содрогания. Безднежно опаздывая на очередное судьбоносное интервью, я блуждала по бесчисленным и абсолютно одинаковым коридорам, цеплялась носами ботинок за дырки в линолеуме и, подобно герою фильма «Чародеи», тоскливо вопрошала: «Люди! Где выход? Ну, кто так строит?!» Зато там можно было поглазеть на живых звезд в пафосной кафешке или поест сосисок с бумажной тарелки в жуткой забегаловке – в зависимости от финансов и настроения. Потом наш телеканал поменял место дислокации. Оказалось, что аренда трех верхних этажей роскошного бизнес-центра выходит гораздо дешевле, чем нескольких комнат без окон в подваль-

ном этаже Стакана.

В полдесятого утра я прокатилась в зеркальном лифте до седьмого этажа и открыла стеклянную дверь.

– Литаврина, куда?! А отмечаться? Смотри, а то завтра не пушу, – из-за газеты «Свежие сплетни» пригрозил охранник Толик.

Толик был посильным вкладом нашей телекомпании в борьбу с терроризмом. Борьба эта заключалась в том, чтобы делать пометки в кудрявом журнале, кто, во сколько пришел и ушел, и читать «желтую» прессу. Вышеперечисленные манипуляции Толик проделывал с великой важностью и держался весьма напыщенно, видимо, чувствуя себя крупным телевизионным боссом.

Я со вдохом взяла со стола охранника обгрызенную ручку, сделала пометку в журнале. Потом рассеянно уронила ее в свою сумку и отправилась на поиски Аполлинарии.

Начальница пила чай на офисной кухне в компании двух других редакторов нашей программы – Эльвиры и Мышки.

Эльвира неприязненно разглядывала в зеркальце «Шанель» лихорадку на могучей губе. Это ходячее пособие о пагубном влиянии силикона на женский организм спустили к нам сверху. Вообще-то Эльвира мечтала стать телеведущей. Прошла кастинг, ее утвердили и отсняли в «пилоте» новой программы, но руководство канала программу завернуло, а Эльвиру послало. Редактором в «Женские штучки». С тех пор Эльвира обозлилась на весь мир в целом и все говоря-

щие головы в частности, утверждая, что головы эти попадают на голубой экран исключительно через постель. Ну, ей-то, конечно, виднее...

У выпускающего редактора Мышки, разумеется, было какое-то общечеловеческое имя, но его все давно и прочно забыли. Прозвище уж очень ей подходило и приклеилось на смерть. Эта девушка лет двадцати восьми отличалась весьма неоригинальной внешностью. Маленького роста, щупленькая, с неизменным мышинным хвостиком на затылке, она была вся какая-то бесцветная. Серьезному милому личику чего-то не хватало, как скучному темному зданию – подсветки.

– Всем привет! – бодро сказала я и подмигнула Мышке.

В последнее время у нас завязались приятельские отношения. Мы ходили вместе обедать и частенько болтали возле кофейного автомата.

– А у меня для тебя сюрприз! – сообщила Аполлинария так, как будто собиралась подарить мне «Порше» на день рождения.

Я напряженно улыбнулась. Этот ее «подарочный» тон обычно не предвещал ничего хорошего.

– Завтра поедешь снимать сюжет на тему «Идеальное романтическое свидание».

– Здорово! Вот только успею ли организовать съемку за день...

– Конечно, успеешь! Если не будешь заседать весь день в социальных сетях и распивать кофеи с девчонками. – Ше-

финя шумно отхлебнула из своей чашки. – Да и что там особенного организовывать? Я дам тебе телефон роскошного психолога, он хорошо говорит, весь сюжет тебе сделает. Останется всего-то найти ресторан с приличным интерьером для съемки, чтобы красиво было по картинке, договориться с медведем и цыганами. Пусть приедут, споют для вас пару песен. Ах да! Еще нужен какой-нибудь эксклюзив типа вертолетной прогулки или «фаер-шоу»?

– А «фаер-шоу»-то зачем? – удрученно застонала я.

– Как это зачем?! Какое же идеальное свидание без «фаер-шоу»?

– И медведя, – хихикнула Мышка.

– А еще есть такая новая фишка, – оторвалась от созерцания своей лихорадки Эльвира. – Доставка цветов через окно.

– Как это? – заинтересовалась я.

– Сидишь ты дома, скучаешь, вдруг в окошко тук-тук! Открываешь, а там накачанный альпинист с роскошным букетом от поклонника. Потом звонок в дверь и – вуаля! На пороге даритель собственной персоной! Феерично?

– Эльвир, да ты все перепутала. Это, наверное, новый вид квартирных краж, – подмигнула мне Мышка. – Слышала что-то такое в «Дорожном патруле».

– Если бы ко мне в окно ломился такой Человек-паук, я перерезала бы ему веревку ножовкой, – поддакнула я.

– Ой, девки, да вы балованные! – захихикала Эльвира. – А без чего, по-вашему, не обойдется идеальное свидание?

– Без Хью Джекмана, – вздохнула Мышка.

«Без впечатлительного лысого типа и цепного кота», – пронеслось у меня в голове.

– Тогда думай сама. Я сделала для тебя все, что могла, – утомленно вздохнула Аполлинария.

На пороге кухни появился запыхавшийся администратор.

– Аполлинария, Эльвира, вот вы где! Там в редакцию за-
явился Герыч... То есть Аркадий Георгиевич! Вас требует.

Подталкивая друг друга, редакторы бросились на выход.

Я прекрасно осознавала, что за один день невозможно до-
говориться со всеми этими медведями и факирами. Да про-
ще посадить сорок розовых кустов и подмести сорок доро-
жек! Я тоскливо вздохнула и, мечтая, чтобы голова Аполли-
нарии превратилась в тыкву, поплелась за редакторами.

В редакционной комнате царил непривычное затишье.
Как перед бурей. Все сотрудники «Женских штучек», не
поднимая головы, увлеченно клацали по клавиатурам ком-
пьютеров. Даже Аллочка! Что было совсем уж странно, по-
тому что Аллочка работала гримером и, насколько мне было
известно, компьютером пользоваться не умела.

А в остальном все – как обычно. На столах пылились бу-
мажные завалы, смятые стаканчики от кофе и коробки из-
под пиццы. На подоконнике валялись два парика, череп с
бычком во рту и муляж яблока с отчетливым следом чьих-
то зубов – съемочный реквизит. В самом углу скромно чахла

геранька. Стены пестрили разными интернет-приколами, на самом видном месте висело гневное объявление:

«КТО ВЗЯЛ ИЗ ШКАФА ЛАСТЫ?
ВЕРНИТЕ!
ИХ НУЖНО СРОЧНО ОТДАТЬ ВОДОЛАЗАМ!»

В центре комнаты нагло торчали ядовито-зеленые туфли на платформе. Алочкины! Я так удивилась, что она сидит за компьютером, что не сразу заметила ее босые ноги под столом.

Бесспорным виновником всплеска трудового энтузиазма в коллективе был шеф-редактор Аркадий Георгиевич, бывший Лизкин пузырь, который и помог мне с устройством на работу. Он сидел в дальнем углу комнаты у монитора и отсматривал готовые к эфиру сюжеты.

Наш шеф навещался в редакцию редко и в основном для того, чтобы устроить разбор полетов. Кличка Герыч прилипла к боссу из-за его пристрастия к словечкам из тюремно-воровского жаргона. Раньше он занимался криминальной темой на НТВ, а потом Герыча опустили, в смысле понизили, до «Женских штучек» – шеф-редактора дамской программы нашего телеканала. Бедняга до сих пор не мог оправиться и часто нервничал. Знаменитых вспышек шефского гнева в редакции побаивались.

– Эльвира, а почему в сюжете о СПА вы сняли только один салон? – вкрадчиво и даже как-то ласково поинтересовался Герыч.

Эльвира сморгнула и потерянно взглянула на Викулю, автора сюжета о СПА.

– В другом салоне отказались в день съемки, – затараторила Викуля. – У нас не было времени искать кого-то еще, сюжет снимали под эфир...

– Ах, ну тогда конечно! Все понятно! Может, пустим твои объяснения бегущей строкой внизу экрана? Чтобы и зрителю стало понятно, почему вместо сюжета о СПА он смотрит голимую «джинсу»?!

Конец фразы эхом разнесся по этажу.

– И почему у тебя здесь синие губы? – продолжал орать шеф. – Ты похожа на жмурика! Нет, мне просто интересно, почему сюжет о СПА делает девица, похожая на жмурика?!

Пряча улыбку, я скрылась за монитором своего компьютера. Лизка рассказывала, что Герыч, несмотря на богатое телевизионно-криминальное прошлое, до трясучки боится покойников. И жутко этого стесняется. Так уж вышло, что о шефской некрофобии в целом мире знали только три человека: Герыч, Лизка и я. Мужчины даже не подозревают, какие интимные подробности порой становятся известны, в сущности, совершенно чужим для них людям – подругам жен или любимых девушек.

Тем временем шеф-редактор яростно швырнул кассету на стол. Вика втянула в себя голову, как черепаха.

– Снял с эфира, снял с эфира! – зашелестела редакция.

Предчувствуя Содом и Гоморру, которые сейчас тут нач-

нутся, я решила потихоньку смыться. Благо мои сюжеты сегодня смотреть не планировали.

Я прокралась к выходу и открыла дверь.

– Мария! – грозно прогремело за спиной.

Я застыла на месте, боясь обернуться и превратиться в соляной столб.

– Ты зачем мой Монблан сперла? – ласково поинтересовался босс.

– П-почему я?

– Да потому что он у тебя в руках!

Я с изумлением уставилась на свои руки. Когда это я успела сцапать ручку босса?!

– Мурка – главный криминальный элемент нашей программы! Постоянно таскает чужие ручки, – развеселился Герыч и кивнул на настенное объявление. – Ластам тоже ты ноги приделала?

Редакция грохнула подобострастным хохотом. Смущаясь, я вернула ручку боссу:

– Извините. Не понимаю, как так вышло. Вообще-то я не имею привычки брать чужие вещи...

– Да уж понятно! Кстати, у тебя же завтра съемка? Возьмишь стажерку?

– Новенькая? – заинтересовалась я. – Кто такая?

– Зовут Карина. Позитивная и жизнерадостная. В общем, наш человек. Покажи ей все, и пусть напишет дубль-текст. Если справится, возьмем журналистом в программу.

Глава 5

Как и любой шеф, Герыч был прав. Стажерка Карина оказалась позитивным и жизнерадостным готом. Пока мы ехали в машине, я исподтишка ее разглядывала. Волосы, выкрашенные в цвет вороньего крыла, черные губы, тяжелый взгляд из-под кустистых бровей. Вцепилась в свою сумку, как Маргарита Валуа в голову любовника. Я надеялась, что она не вынашивает планы о ритуальном жертвоприношении, а просто немного смущается.

Под конец съемочного дня позвонила Аполлинария:

– Ну, как дела? Все успеваешь?

– Да, ресторан, цыган и факиров отсняла, остался только психолог, – бодро отрапортовала я. – По дороге хочу заехать на ВДНХ, записать «стрит-токи» с симпатичными прохожими. Выяснить, так сказать, мужской взгляд на идеальное свидание.

– Мужиков синхронить будете, где обычно, у входа в парк?

– Ну, да.

– У-у-у, – неопределенно сказала Аполлинария и отключилась.

Мы долго искали, где припарковаться, и уже собрались плюнуть на «стрит-токи» и возвращаться на базу, как тут от тротуара отъехал мини-вэн, и наша «девятка» с логотипом

канала на грязном боку юркнула на его место.

– Я там не нужен, останусь в машине, – оповестил нас осветитель Олежка.

Я хотела возразить, но лишь коротко кивнула. Олежке шестьдесят два года, и мне всегда немного неловко им командовать.

Оператор Вова выгружал камеру из машины, а я рассеянно наблюдала за прохожими, спешащими от выхода метро по тротуару. Взгляд выхватил из толпы фактурного парня. Темно-русые волосы, клетчатая рубашка с коротким рукавом, потертые джинсы. Сердце бешено заколотилось, и я вцепилась в открытую дверцу «девятки». Это Алекс! Направляется прямо ко мне. Спокойно. Главное, вести себя естественно и непринужденно.

– Маша, почему ты сидишь на корточках у колеса машины? – удивилась Карина. – Прячешься?

– Нет, с чего ты взяла? – ответила я, выглядывая из-за ее ноги.

Темно-русые волосы, клетчатая рубашка с коротким рукавом, потертые джинсы. Парень прошел мимо. Это был не Алекс. Померещилось. Зрение что-то стало падать, наверное, из-за компьютера.

– Маш, а можно я сама возьму интервью у психолога? – попросила стажерка.

– Мы, к сожалению, не сможем тебя туда взять. Понимаешь, психолог попросил подобрать его у метро, хочет дое-

хоть до своего офиса с нами. В машине не будет места.

– Ну, Ма-аша!

– Карин, не канючь. Что ты предлагаешь? Засунуть психолога в багажник?

– Но ведь это смертельно важное интервью! Как же я его пропущу?

– Ничего не пропустишь. Посмотришь потом на кассете. Если что-то не будет получаться, я подскажу.

Карина насупилась. Переживает, бедняжка. Совсем недавно я и сама была в ее положении, боясь пропустить что-то важное. С симпатией посмотрела на стажерку.

– Да не волнуйся ты! Вот что: дуйте с Вовиком к парку и найдите для «стрит-тока» симпатичного парня, ладно?

– Какого еще «стрит-тока»?

– Короткого интервью с прохожим.

Подгоняя оператора, Карина вприпрыжку побежала выполнять первое боевое задание.

Я достала из сумки бутылку с водой, сделала несколько жадных глотков – ну и жара! Потом припудрилась и тоже направилась к парку.

Тем временем Карина нашла первую «жертву», мертвой хваткой вцепилась в симпатичного парня. Русые волосы, клетчатая рубашка, потертые джинсы. Так. У меня развивается паранойя. На негнущихся ногах подошла поближе, напряженно прищурилась и чуть не шмякнулась в обморок. На этот раз это и вправду был Алекс!

– Ма-ша! – завопила Карина на всю улицу. – Разреши мне самой взять у него интервью!

Алекс чему-то усмехнулся, а я энергично закивала. Трудовой энтузиазм стажерки оказался сейчас как нельзя кстати. Работать я была не в состоянии. Ноги подкосились, а перед глазами вдруг возникло белое поле. Минутная слепота на нервной почве? Белая горячка?! Оказалось, баланс. Лист бумаги, развернутый техником, чтобы оператор мог выставить камеру.

Карина ткнула в Алекса микрофоном и с важностью откашлялась.

– Итак, скажите, как должна вести себя девушка на первом свидании? – спросила она и тут же закивала, как китайский болванчик.

– Кхм... люблю естественность, а девчонки часто хотят казаться оригинальными. Знал я одну барышню по имени Маша, которая на свидания являлась исключительно под псевдонимом.

Я задохнулась от возмущения. Да что он себе позволяет?

– У этой вашей Маши явно кукушку снесло! – убежденно заявила Карина. – Ну, а если забыть о городских сумасшедших, что не должна делать девушка на первом свидании? Что не нравится лично вам?

– Когда на следующий день после классного секса девушка бесследно исчезает.

Карина заинтересованно прищурилась.

– А вы пригласите на второе свидание девушку, с которой у вас был секс на первом?

– Все! Хватит стрит-токов! – крикнула я сдавленным голосом. – Выключай камеру, едем к психологу!

– Психолог тебе точно не помешает, – ухмыльнулся Алекс.

Я смерила его презрительным взглядом, негодяй не отвел своих смеющихся глаз. Из-за внезапного напряжения, повисшего в воздухе, мне вдруг стало тяжело дышать.

– Пойдемте, а то опоздаем!

Я резко развернулась и направилась к машине, но, сделав несколько шагов, зачем-то оглянулась. Алекс шептал что-то стажерке на ухо, а та заливисто хихикала. Нет. Не могу отдать его на растерзание этой озабоченной готической ведьме! Все-таки он парень моей лучшей подруги!

– Карина, что ты тут стоишь? Ты вообще собираешься с нами к психологу или нет?

Карина надула черные губки, как капризный ребенок Розмари.

– Но... в машине не будет места! Что ты предлагаешь? Засунуть психолога в багажник?

– Потеснимся как-нибудь. Это же смертельно важное интервью, ты не можешь его пропустить!

– Интервью я посмотрю потом на кассете, а если что-то не будет получаться, ты подскажешь! Маша, почему ты пи-хаешь меня в бок?

– Не говори глупости, зачем мне пихать тебя в бок? Мы с тобой едва знакомы!

Алекс плотно сжал губы. Кажется, его ужасно забавлял этот «поединок великодуший». Да какое мне вообще дело до этого типа?! Я круто развернулась и зашагала к машине.

Пока мы усаживались в «девятку», Алекс с Кариной все еще ворковали, словно голубки. Он нажимал на кнопки мобильного. Готическая ведьма дала ему свой телефон! Однако как эти малолетки легкодоступны – знакомятся прямо на улице! Я в ее годы такой не была!

Стукнула оператора кулаком в спину:

– Срочно уведи оттуда стажерку! Она в опасности! Этот тип похож на фоторобот маньяка, который висит на остановке рядом с офисом!

– С ума сошла? Я не могу так рисковать, у меня двое детей. И потом, у нас нет времени на всякие глупости. Ты обещала, что по дороге к психологу мы заедем пообедать.

Я обреченно вздохнула. Обед занимал особое место в системе ценностей членов нашей съемочной группы – оператора и осветителя. У водителя вообще не было системы ценностей, был только Обед.

Пришлось подчиниться голодному большинству.

– Давай заедем в «Грабли», – оживился Вова, когда машина тронулась с места.

– Времени нет, – рявкнула я. – Купим по дороге шаурму. Лично мне есть совершенно не хотелось, но так и подмы-

вало кого-нибудь отравить!

* * *

– Инспектор ГИБДД спрашивает у блондинки: «Почему вы ехали со скоростью восемьдесят км в час, разве не видели знак ограничения «сорок»?» – «Видела, но нас же в машине двое!» – сказал Леха и начал захлебываться смехом, похожим на приступ астмы.

– А ты все остришь и остришь, – мрачно заметила я. – Я не сдала просто потому, что повесили новый знак! Раньше его там не было!

– Прикальываешься? Он висит там уже лет пять. Нет, Маш, серьезно, ты точно не крашенная?

– Хватит! – взорвалась я. – Мне надоели твои тупые шуточки! В следующий раз я сдам этот долбанный экзамен!

– Да ладно!

– Спорим?

– Давай! Но если не сдашь, перекрасишься в блондинку, чтобы не вводить участников дорожного движения в заблуждение.

– Идет! Но если сдам, перекрасишься ты!

Лехин астматический смех эхом разлетелся по двору автошколы.

– По рукам! Если сдашь сама, без левых договоренностей, перекрашусь в блондина. Петрович! – окликнул он проходя-

щего мимо инструктора. – Разбей!

Итак, я не сдала экзамен по вождению в четырнадцатый раз и решила это отпраздновать. Купила бутылку мартини, пакет апельсинового сока и пригласила к себе домой Мышку.

Скромный девичник шел своим чередом. Я металась по квартире в поисках диска с подходящей «слезодавилкой», а Мышка с кусочками огурца на зеленом лице бездыханным телом валялась на кровати. В салат она не падала – пила только сок. Просто положила на лицо специальную маску.

– Может, все-таки мартини? – предложила я.

– Не-а, мне пить вообще нельзя. Дурная наследственность.

Зазвонил телефон.

– Наверное, твой, что-то он давно не объявлялся, – ехидно пискнула Мышка и оказалась права. Это был Макс.

– Ну как вы там? Все нормально?

– Да, все хорошо. Как и двадцать минут назад. Сидим в масках, собираемся смотреть «Реальную любовь».

– Вы голодные? Может, я приеду и привезу что-нибудь покушать?

– Спасибо, Максик, но у нас же девичник, и потом, мы уже заказали пиццу.

– Пицца, кстати, жутко вредная штука! – оживился он. – Недавно смотрел по «Дискавери», ученые доказали... Подожди, а как же твоя диета?

– Какая еще диета?! Ах да...

– Так, может, я все-таки приеду? Заодно привезу что-нибудь диетическое?

– Но у нас же девичник... Слушай, давай увидимся завтра? Тогда и расскажешь ту страшилку про пиццу, ладно? – предложила я и быстренько положила трубку.

– Он такой заботливый, – вздохнула Мышка. – У всех есть парни. Даже у Аполлиарии.

– У Аполлиарии есть мужчина? Всегда думала, что ее, как Орлеанскую Деву, интересует только карьера. Старый?

– Молодой! Кареглазый шатен, высокий и широкоплечий, зашатаешься! В тот день, когда ты снимала «Идеальное свидание», приходил к ней на студию. Никак не мог просочиться через Толика, и я сама провела его к нашей Джульетте.

Что-то словно толкнуло меня изнутри.

– Ты с ним говорила? Что он сказал? Дословно!

– Да ничего особенного. Спросил только: «Как найти Аполлиарию? Зеленые глаза, темные волосы до плеч, родинка на спине». А я-то думала, что у Польки под всеми этими безумными вязаными балахонами панталоны, а там, оказывается, родинка на спине! – И Мышка зловеще рассмеялась с каменным зеленым лицом, как Фантомас.

Отлично. Значит, теперь в послужном списке Алекса я значусь как «девушка с родинкой на спине». Сразу после «лысовой жены с татуировкой в паху». Так встреча на ВДНХ не была случайной! Меня сдала Аполлиария! Рассказала

Алексу о месте, на котором мы обычно записываем «стрит-токи». Но как он вообще узнал, где я работаю? Хотя, наверное, для сыщика это плевое дело? Странно, мне казалось, я не оставила на месте преступления никаких улик... Но если Алекс искал меня, почему клеился к готической ведьме?

– И почему у такой красотки, как я, нет парня? – вздохнула Мышка.

Разумеется, вопрос задумывался как риторический, и я промолчала. Тогда Мышка сказала фразу, при помощи которой каждая моя знакомая одинокая девушка объясняет друзьям и не в меру любопытным дальним родственникам причину неудач в личной жизни:

– К сожалению, я слишком хороша. Мужчины таких женщин боятся.

Точно! Миниатюрную Мышку побаивались даже парни из «качалки» напротив нашего офиса. Ведь при встрече она одаривала каждого из них таким презрительно-изобличающим взглядом, как будто видела его фото в Интернете, в черном списке женихов. Мышка обожала лазать по таким сайтам. Упоенно читала истории жертв изменников и жиголо, сладострастно мечтая кастрировать всех негодяев лично. Мышка считала всех мужиков козлами, потому что ее романы были крайне неудачны. Или все было наоборот, и она просто получала то, на что рассчитывала?

– А может, тебе улыбаться почаще? – осторожно предложила я.

– От этого появляются носогубные складки.

– А может, имидж поменять? Не вылезает из скучных маек и унылых голубых джинсов.

– Просто у меня сейчас голубой период, как у Пикассо!

– А этот инфантильный хвостик? С такой прической встретишь разве что какого-нибудь педофила.

– Думаешь? – задумчиво проговорила Мышка. – А что? Педофил – это мысль...

Снова зазвонил телефон.

– Привет, ну как вы? Может, я все-таки приеду? – спросил Макс.

– Макс, у нас девичник. Ты понимаешь значение этого слова?

Я отшвырнула телефон и принялась яростно налеплять на лицо кусочки клубники.

– Круто ты с ним, – восхищенно присвистнула Мышка. – А не боишься, что он обидится?

– Ты ничего не понимаешь в парнях, – сказала я голосом прожженной соблазнительницы, поучающей правнучку. – С мужиками нужно уметь проявлять характер. Их это только подзадоривает, уж поверь мне! Мужчины любят независимых женщин.

Снова раздался телефонный звонок.

– Видишь? А ты говоришь, обидится, – самодовольно хмыкнула я. – Смотри и учись, пока я жива!

Поднесла трубку к уху.

– Ну что ты еще хотел?

– Догадайся. – Это слово было произнесено до жути приятным мужским голосом, принадлежащим уж точно не Максусу.

Сердце гулко застучало.

– А... откуда у тебя мой телефон?

– От твоей готической женщины. Я у подъезда. Спустишься?

Лихорадочно отлепляю кусочки клубники. Лицо пылает. Наверное, маска не подходит.

– Так что ты там говорила про независимых женщин? Мань? – Сняв с глаз огуречные кружки, Мышка привстала на локтях и огляделась. – Мань!

Но, кроме нее, в квартире уже никого не было...

Душная летняя ночь пахла предвкушением. Сладостным и тревожным. Я с разбегу нырнула в кондиционированную прохладу одноглазой «Ауди», как в речку. Нырнула с одной-единственной целью. Сообщить ему, что мы больше не увидимся. Но молчу. Ведь я, забыв о существовании лифта, неслась с девятого этажа, как угорелая, и теперь дышу, как загнанный заяц. Не хочу, чтобы он это заметил.

Щелкнула зажигалка, огонек осветил его профиль, мальчишескую челку, четко очерченные губы. На нижней – поперечная складочка. Мне ужасно хочется пробежать по ней пальцем, но я скрещиваю руки на груди. Неужели я его лю... Поспешно отгоняю эту мысль. С любовью, как с колдов-

ством: пока не произнесешь заклинание, чары не подействуют. Чары... Может, он меня присушил? Так, ради шутки? Бред. Хватит. Сейчас скажу все и уйду.

Он внезапно притягивает меня к себе, случайно коснувшись сигаретой голого плеча. Но я не чувствую боли. Я уже под наркозом. Мы целуемся.

Глава 6

Я проснулась на кровати, которая с легкостью могла бы разместить вьетнамскую семью. Кровать стояла посреди квартиры-студии, слегка захламленной, но со вкусом оформленной. Особенно впечатляла хитро изогнутая хайтековская люстра и кирпичная стена, увешанная разным диковинным оружием.

Алекса рядом не было – судя по шуму воды, он плескался в ванной. Я решила уйти по-английски, как это у нас с ним было заведено. Быстро оделась – майка, джинсы, туфли. Куда опять девалась сумка?!

Она обнаружилась на низком столике у кровати, рядом с внушительной стопкой какой-то макулатуры. Интересно, **что** тут у нас? Оказалось, сборники кроссвордов, чайнвордов и всевозможных головоломок. Вытянула из этой кипы что-то наугад – газетный листок с полностью разгаданным кроссвордом. Ни одной живой клеточки. На полях теми же чернилами была нарисована девица. «Анимешные» глаза в пол-лица, огромный бюст, непропорционально тонкая талия и крутые бедра. Фу, какая пошлость! Я сморщилась, продолжая рассматривать вульгарную девицу. Обтягивающее платье чуть ниже колен, а в руке парашют. Нет, это, кажется, огромная нелепая сумка. Мамочки, да это же я! Хм, а он неплохо рисует... У ног соблазнительной «анимешки» при-

строился котище с колокольчиком на шее и довольной улыбкой от уха до уха. Не в силах оторваться от рисунка, я присела на кровать и вдруг поняла, что улыбаюсь.

Ну, хватит. Пора сматывать удочки! Схватив сумку, метнулась к двери – заперто на ключ! Во внезапном приступе клаустрофобии я зачем-то бросилась к растворенному окну. По утопающему в зелени двору катилась малюсенькая машинка.

– Собираешься прыгать?

Вздвогнув, я обернулась и увидела Алекса, который насмешливо наблюдал за мной, скрестив руки на груди. Из одежды на нем было только белое полотенце, обмотанное вокруг бедер, и, судя по довольной ухмылке, он догадывался, как хорош в эту минуту.

Смущенно кашлянула.

– Отопри дверь, мне на работу нужно.

– Сегодня суббота.

– Хочу подбить кое-что перед эфиром, – сымпровизировала я.

– Эфирные создания не завтракают? Брось! Ты же не упustiшь шанс попробовать мое фирменное блюдо? Яичница со всем, что найдется в холодильнике! – И он улыбнулся своей фирменной улыбкой.

В самом деле, не прыгать же из окна?!

Пока Алекс колдовал над сковородкой, я приняла душ, почистила зубы пальцем и попыталась расчесаться куском

расчески, которую нашла в ванной. Вернувшись, я обнаружила, что комнату заволокло едким дымом. Я бросилась к Алексу:

– Пожар?!

– Прощу к столу! – улыбнулся он.

С горем пополам вскарабкалась на высоченный табурет у барной стойки, при этом чувствуя себя феноменально низкорослым слоном. Слоном-пони. Алекс поставил на стойку две тарелки с обугленными кусками яичницы.

– Вот, как-то так, – смущенно улыбнулся он. – Никогда не блистал кулинарным талантом. Хочешь, вечером покажу тебе одно местечко с потрясающей кухней?

– Зачем это? – нахмурилась я.

– Дурацкий вопрос. Его обычно задают барышни, когда их зовешь ночью в гости. А тебе непонятно, зачем мужчина приглашает даму в ресторан? Странная ты, Маш. Или предпочитаешь, чтобы я звал тебя Аполлинаруией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.